

Наконец, кампания в Далмации была закончена и теперь можно приступить к наведению порядка в стране...

Впрочем, начался этот процесс вовсе не с создания новой администрации или других реформ, а с самого важного – решения вопроса с Патриче. Очевидно, нужно было как-то решить проблему с наличием ненужного претендента на трон Далмации...

- Привет, Патриче! Привет, регентский совет! – и Фридрих решил урегулировать его весьма хитрым способом.

- Пожалуйста, помилуйте, Ваше Величество! Вот Патриче! Делайте с ним что хотите, – но, конечно же, сперва ему пришлось выслушать тираду очередного пораженца, тут же упавшего целовать ему ноги. Разумеется, Фридрих тут же поставил его на место, прикончив гада. Конечно же, ему не пришлось делать этого собственными руками – Помогите этому... «господину» решить его проблему, – получив команду, его верные псы тут же утащили очередной мусор на курс принудительной «помощи». Не обманывайтесь названием – это лишь эвфемизм, за которым, очевидно, скрывается страшная процедура по уничтожению чьей-то психики. Цель – максимально жестокая казнь в наказание за «недостаточную верность Родине». Впрочем, вернёмся к шоу!

- Итак, о чём это я? Ах да! Требую освободить несовершеннолетнего гражданина Патриче из вашего плена, господи! – а вот, собственно, и оно! Одетый в украшенный серебром и золотом костюм, «гала чарро» белого цвета, а также носящий яркое сомбреро, он выглядел по-настоящему экзотично. Однако его целью было не столько отдать дань мексиканской культуре или мариаччи, сколько чтобы прекрасно передать всю суть происходящего, да сыграть прекрасную музыку. Собственно, именно для этого он и вооружился гитарой.

- Простите, Ваше Величество?! – разумеется, подобную шутку члены регентского совета, увидевшие только что, как человека уводят, по сути, на казнь, не оценили. Впрочем, шуткой это не было вовсе...

- Граждане, я же вам вроде уже говорил это, но раз уж вам так хочется услышать это вновь – я требую выдать мне Патриче в кратчайшие сроки! – но прежде дело, разумеется.

- Вот, Ваше Величество, – пожалуй, они бы ещё долго стояли как вкопанные, если бы не один очень умный человек, догадавшийся, что происходит. Поняв неизбежность своей участи, он без единого сомнения лишил себя единственного возможного преимущества, передав Фридриху малолетнего Патриче.

- Ты сделал правильно, мой друг, – перед тем как один из членов совета наконец-то вернулся в свою группу, Фридрих пожал ему руку, после чего передал Патриче одному из солдат и его увели из комнаты, – но это было глупо, – не успели было отреагировать все остальные, как Фридрих начал играть на своей гитаре. Под какофонию из звуков солдаты начали расстреливать остальных. Разумеется, какофонию, какую только и мог сыграть новичок, никто не услышал на фоне грохота, а сам Фридрих скрылся в плотном дыму. Спустя минуту всё уже

было кончено. Разумеется, малолетний Патриче никогда не узнает о том, что в тот момент казнили двух вернейших его слуг, присматривавших за ним с самого детства...

- Ваше Величество, мы всё проверили - ни одного выжившего. Что делать теперь? - солдаты, ещё недавно бывшие юнцами, быстро свыклись с мыслью постоянного насилия. Их уже более не волновало то, что они убили очередную пачку безоружных людей. Возможно, для них это было и к лучшему, но кто знает?

- Прекрасно. Скоро сюда придут слуги - проследите за тем, чтобы они на совесть вычистили дворец. И да, не беспокойтесь - ваш ждёт дополнительное жалование за деятельность, не предусмотренную вашим контрактом, в размере вашего трёхдневного жалования, - впрочем, пока мы размышляли о высоком, Фридрих уже собрался уезжать. Как не трудно догадаться, он закончил все свои дела здесь и теперь мог покинуть этот дворец в компании Патриче.

- Так точно, Ваше Величество! - разумеется, солдаты тут же оживились, как только речь зашла о столь щедром вознаграждении. Тем более что это, разумеется, избавляло их от необходимости нести службу в лагере.

- Удачи! - увидев желаемую реакцию, Фридрих со спокойной душой покинул свой новенький дворец...

... Спустя ещё неделю ...

Тем временем, напряжённость на австрийско-далматской границе никуда не делась. Вассалы эрцгерцога Австрии, ответственные за захват Словении, были крайне агрессивны и желали, естественно, большего, но их первоначальный пыл быстро остудила череда громких поражений по результатам первых пограничных сражений.

Их рейд вглубь территорий Далмации, разумеется, незаконный, был без труда отбит. Вернувшиеся без добычи беспокойники, нарушившие государственную границу, впрочем, не были никак за это наказаны.

Естественно, подобное не могло не возбудить другую сторону, считавшую Словению своей законной территорией. В кратчайшие сроки был подготовлен карательный рейд, целью которого было изгнание австрийцев.

Ясное дело, они совершенно не ожидали, что их атакует 8-тысячный отряд под командованием Сергия. В течение двух дней все те австрийские «счастливчики», что остались на территории Словении для наведения порядка в своих новых владениях, были до последнего пленены, а территория всей Словении была очищена от присутствия австрийцев и уже даже начали постепенно вводить эйсенские порядки.

Впрочем, в проблему, уже шедшую к затиханию, решил внезапно вмешаться император Священной Римской Империи германской нации, вторгнувшийся в Словению со своими 6-ю

полками иностранного строя (примерно 9000 солдат) и 16-ю стационарными пушками.

Разумеется, два рядовых полка линейной пехоты Фридриха, численностью около 1865 солдат (стандартная численность – 2000 человек) при 24 пушках, несмотря на свою выучку и опыт, вынуждены были постепенно отступить под натиском численно превосходящих австрийцев.

Тем не менее, первая линейная бригада второй пехотной дивизии под командованием бригадира Альфреда фон Шлиффена добилась серьёзных успехов – дивизия сумела избежать окружения, подготовленного для неё австрийским командующим Йозефом фон Альвинци. Кроме того, она также сумела в условиях полного хаоса сформировать устойчивую линию фронта, пускай и постепенно уходящую вглубь Словении под натиском австрийцев. Впрочем, вскоре их силы выдохлись и более не могли продолжать непрерывное наступление в рамках упорной борьбы с силами Альфреда фон Шлиффена.

Однако каких-либо сил для хотя бы сопротивления, не говоря уже о контратаке, не было и у него, ведь от тех 1865 солдат, что были в самом начале, остались лишь 937 человек, что он свёл в единый полк и принял под своё непосредственное командование, а также 12-ть 8-фунтовых пушек.

Тем не менее, в отличие от австрийцев, к нему уже спешило крупное подкрепление в лице первой и второй усиленной бригады первой пехотной дивизии, а также пятой лёгкой бригады всё той же дивизии при 36 пушках. Очевидно, удача австрийцев, имевшая место в начале боевых действий, более их не сопровождала, а время было на исходе.

В начале второй недели своего небольшого похода (начавшегося в начале сентября) они предприняли последнюю попытку прорвать линию, но войска оказались слишком истощены даже для этого.

Тем не менее, последнее сражение этой странной войны всё же случилось – около Лайбаха (Любляна) состоялся бой первой линейной роты, в которой к тому моменту осталось около 237 человек, с первым полком иностранного строя, в котором из списочных 1500 солдат в тот момент находилось лишь 589 солдат.

Бой, которому предстояло стать очередным достойным поражением армии Фридриха, оказался внезапно выигран благодаря тому, что у врага, имевшего проблемы со снабжением из-за тактики выжженной земли, совершенно не осталось пороха.

Первоначально бой, вообще-то, и не должен был состояться, как раз таки по этой причине, а также потому, что австрийцы не смогли вовремя подвезти артиллерию из-за ужасного качества дорог. Однако, как всегда, сыграла свою роковую роль твердолобость командного состава – австрийский командир, которому вышестоящее командование приказало любой ценой наступать, всё же вывел своих солдат в штыковую атаку, надеясь реализовать своё преимущество в численности.

Впрочем, как оказалось, в распоряжении первой роты всё же было 3-и 8-фунтовые пушки.

Воспользовавшись ландшафтом, начальник небольшой батареи из 3-ёх пушек, замещавший старшего сержанта и всех его заместителей по причине их смерти, сумел завести врага в узкое ущелье между двумя труднопреодолимыми холмами, где полностью реализовал своё преимущество в артиллерии.

Все 3-и 8-фунтовые пушки, предварительно замаскированные от врага, одновременно ударили ближней картечью по идущему в штыковую атаку врагу, когда тот был уже на расстоянии в 10 метров.

Благодаря своей близости враг получил максимальный урон – суммарно 336 пуль, из которых по врагу попало порядка 269 (то есть, около 80%). По итогу из 589 солдат, пошедших в штыковую атаку, сразу же осталось лишь 343 солдат.

Впрочем, было страшно не столько то, что практически половина шедших в бой была тут же выведена из строя, сколько то, что при этом погибла большая часть офицеров, в том числе тот самый злосчастный командир, что и повёл их в эту бойню. Случилось же это потому, что австрийские офицеры-самоучки, перенявшие очень многое у гораздо более продвинутых эйсенцев, также шли в первой линии, что, в принципе, было нормальной практикой, просто им не повезло получить картечью в упор.

Разумеется, это тут же привело к дезорганизации и панике в рядах австрийцев, чем не преминули воспользоваться офицеры первой роты, по указанию которых солдаты произвели выстрел всеми шеренгами и уже после этого пошли в ответную штыковую атаку. Офицеры, возглавившие первую линию, также и одними из первых врезались в значительно поредевшего, но всё же сумевшего восстановить свой строй, врага.

Впрочем, значительно упавший, после таких-то потерь, боевой дух австрийцев сыграл свою роковую роль – сопротивляясь всего около минуты, они побежали. Как результат, к концу боя австрийский первый полк иностранного строя потерял порядка 453 солдат, а в результате недолго продлившейся погони за отступавшими – ещё 62 человека. По итогу, из тех 589 пехотинцев, что были в начале боя, до австрийского лагеря добрались лишь жалкие остатки в лице 74 солдат.

Разумеется, это было полной катастрофой, так как теперь первый полк иностранного строя попросту прекратил своё существование (тем паче, что он потерял свои знамёна), в связи с чем, во-первых, до плинтуса упал боевой дух солдат, итак претерпевших множество невзгод из-за плохого снабжения.

Во-вторых, австрийские силы в области Лайбаха были полностью истощены, так и не захватив ключевой пункт снабжения, без которого войскам Фридриха в регионе пришлось бы очень несладко, а австрийцам, наоборот, позволило бы наконец-то наладить эффективное снабжение. Тем более захват Лайбаха был им стратегически выгоден, что его падение бы привело к расчленению сил первой линейной бригады надвое Динарским нагорьем, что теперь оказалось невозможным.

Кроме того, теперь силы Фридриха могли без особого труда расчленивать силы уже австрийцев, если бы к ним подошли подкрепления. Даже более – если бы они сумели захватить Крайнбург, то им бы открылась прямая дорога на Филлах, а уже оттуда – на Вену, не говоря уже о том, что этим бы они полностью прервали сообщение между левым и правым крыльями австрийских сил, сделав его невозможным даже чисто географически.

Конечно же, тут же начались переговоры о мире, инициатором которых выступила Австрия, а если бы первая линейная бригада всё же проиграла, и Лайбах оказался в руках врага, то просить о мире, очевидно, пришлось бы уже Фридриху. Впрочем, этого всё же не произошло благодаря храбрости и отваге солдат, а также мудрости и подкованности офицеров первой линейной бригады второй дивизии.

Так как первой запросила перемирие Австрия, оказавшаяся в крайне невыгодном положении после оглушительного разгрома, то ей пришлось согласиться с очень многими унижительными пунктами, которых можно было бы избежать и вовсе, если бы битвы просто не случилось.

Итак, после долгих переговоров, уже после решительной атаки подкреплений, прибывших буквально на следующий день после сражения под Лайбахом, на позиции австрийцев под Триестом, в результате которой оные оказались полностью прижаты к Карсту и, более того, отрезаны от своих, наконец-то был заключён мир.

По его условиям Австрия отказывалась от любых претензий на Словению как в настоящем, так и в будущем, а также обязывалась в семидневный срок вывести свои войска из Словении. Во-вторых, Австрия обязывалась в течение года выплатить Герцогству Далмации за причинённый вред 58 140 дукатов, то есть, эквивалент 200 тонн чистого золота. В-третьих, император лично обязывался выплатить за своих пленённых солдат (всего за время войны в плен попало 329 австрийцев, в основном офицеров, так как за них можно было выручить солидный выкуп, в то время как всех обычных солдат при возможности умерщвляли) 2 000 дукат, то есть, эквивалент 6880 тонн чистого золота.

В-четвёртых, он был обязан признать за Фридрихом его законный и наследственный титул короля Эйсена (вообще, Эйсен был крупнейшей и мощнейшей страной Балкан, не считая Византии, так что статус одного из герцогств Империи вообще не отражал его реальной мощи). Впрочем, формально Эйсен всё ещё входил в Священную Римскую Империю германской нации и пользовался всеми благами и преимуществами этого положения. По сути, внутри Империи просто появилась очередная Богемия (историческая справка – Богемия, бывшая в составе Империи, формально стала королевством в 1212 году, хотя королей в Империи быть не могло).

В-пятых, император Филипп II обязался отказаться от своих династических претензий на Ломбардию (графом которой является малолетний Патриче, которого заключил под домашний арест в Вартбурге Фридрих). В-шестых, он обязался соблюдать нейтралитет в случае вторжения Фридриха в Венгрию (секретный пункт договора). Фридрих же, в свою очередь, обещал не выставлять свою кандидатуру на следующих имперских выборах (если таковые состоятся при его жизни) в качестве короля Эйсена.

Длительность перемирия устанавливалась сроком в 5 лет. В случае нарушения одного из

пунктов перемирия австрийцами Фридрих имел право в одностороннем порядке аннулировать договор. Документ также устанавливал государственную границу между Далмацией и Австрией.

Обобщая, стоит отметить, что это была первая победа обновлённого дипломатического корпуса Эйсена, и было это не просто первой и сразу же удачной пробой новых эйсенских дипломатов в деле. Нет, это было и оглушительным разгромом австрийцев на дипломатическом поприще, в то время как эрцгерцог Австрии, он же император Священной Римской Империи германской нации, считался одним из наиболее выдающихся дипломатов эпохи...

<http://tl.rulate.ru/book/66483/1784823>